

DOI: 10.15643/libartrus-2017.4.5

Типологические особенности концепта «судьба писателя» в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах

© Л. А. Исаева, С. Ф. Мельничук*

Кубанский государственный университет
Россия, 350040 г. Краснодар, улица Ставропольская, 149.

*Email: svetvakh@gmail.com

В статье рассматриваются различия в лингвокогнитивном и лингвокультурном подходах к определению концептов. Устанавливается, что в рамках лингвокогнитивного подхода на первый план выдвигается структурированность знания, отраженного в концепте, тогда как в лингвокультурологии ключевым становится вопрос об отражении культуры в концепте и наличии в нем ценностной составляющей. Положение о том, что рассматриваемые подходы являются взаимодополняющими, подтверждается на основании исследования в лингвокогнитивном ключе концепта «судьба писателя», лингвокультурный статус которого был доказан нами ранее. Выдвинутая гипотеза о том, что изучаемый концепт с точки зрения содержания относится к калейдоскопическим, подтверждается репрезентацией концепта «судьба писателя» в виде различных ментальных структур (гештальтов, мыслительных картин, прототипов, фреймов, сценариев и сценарных фреймов) в текстах поэтов XX в.

Ключевые слова: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, концепт, определение концепта, судьба писателя, калейдоскопический концепт, гештальт, фрейм, сценарий.

Становление и развитие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии связаны с изменением ведущей научной парадигмы с системно-структурной на антропологическую, что приводит к переносу интересов исследователей с объекта познания на его субъект. Ключевым понятием как когнитивной лингвистики, так и лингвокультурологии является концепт, однако векторы его изучения существенно разнятся. Это связано с тем, что предполагаемая антропоцентрической парадигмой диада «язык – человек», через призму которой изучаются все языковые явления, по-разному преобразуется в обеих науках в новые триады. Так, в когнитивной лингвистике язык рассматривается прежде всего как когнитивный механизм, занятый в кодировании и трансформировании информации, а в лингвокультурологии – как феномен культуры, хранитель культурного кода нации. Таким образом, диада «язык и человек» преобразуется в когнитивной лингвистике в триаду «язык – человек – познание», в лингвокультурологии – в триаду «язык – человек – культура». Отсюда – различные трактовки концепта.

Ведущие представители собственно лингвокогнитивного направления в определении концепта особо подчеркивают его структурированность: концепт – это «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания, причем организованный по принципу ядра и периферии» [9, с. 4].

Классическим в рамках лингвокультурного подхода стало определение Ю. С. Степанова: концепт – «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [10, с. 40].

Отметим, что подходы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии не являются взаимоисключающими. По мнению В. И. Карасика, они оказываются тесно связанными, поскольку концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида [7, с. 109].

Это означает, что применение лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к анализу одного и то же концепта не только допустимо, но и дает возможность рассмотреть не только структурное своеобразие (сильная сторона когнитивного подхода), но и этнокультурные особенности изучаемого ментального образования. Тут же оговоримся, что такому двоякому исследованию можно подвергнуть только концепт, обладающий ценностной составляющей, т.е. входящий в сферу научных интересов лингвокультурологов.

Наша задача – рассмотреть через лингвокогнитивную призму концепт «судьба писателя», который не исследовался ранее в данном ключе. Доказательство его лингвокультурной природы приведено в статье «Концепт „судьба писателя“ в русском языковом сознании (по данным ассоциативного эксперимента)» [8, с. 1–7].

Ключевой компонент исследуемого концепта – «судьба» – подробно проанализирован как в лингвокогнитологии (Радзиевская, 1991, Ковшова, 1993, Владимирова, 2014), так и в лингвокультурологии (Яворская, 1993, Топорева, 1993, Сергеева, 2005, Жданова, 2006, Абаева, 2007, Форофонтон, 2009). Интерес современных ученых-когнитивистов к этическим концептам, к которым относится и «судьба», вероятно, объясняется этнолингвистической природой последних; их содержание определяется нормами бытования социума, они несут знания о внутреннем мире самого человека.

Лексема «писатель» не выделяется в словарях концептов в качестве одного из «сгустков культуры», что, на наш взгляд, неверно. Наличие широкого синонимического ряда у лексем «писатель» (более 20 единиц) указывает на «семиотическую плотность» концепта. Она признается концептологически значимой характеристикой [6, с. 4] и является показателем «аксиологической окраски концепта, его значимости для носителей языка, осмысленности, переживаемости» [4, с. 81].

Обилие синонимов побуждает классифицировать их по основному семантическому признаку и выделить языковые единицы с дополнительной коннотацией:

1. Называющие лицо по литературному направлению, жанру, в котором он пишет: беллетрист, драматург, летописец, памфлетист, романист, фельетонист и др.
2. Обозначающие лиц смежных профессий, так или иначе связанных с писательским трудом: критик, публицист, журналист, историк.
3. Эмоционально окрашенные единицы с отрицательной коннотацией: писака, шелкопер, бумагомаратель, графоман.
4. Эмоционально окрашенные единицы с положительной коннотацией: инженер душ человеческих.

Эмоционально окрашенные синонимы не только подтверждают присутствие оценочного компонента в выдвигаемом нами концепте «писатель», но и свидетельствуют о закреплённом в сознании носителей языка представлении о труде писателя как направленном, в первую очередь, на морально-нравственное совершенствование читателей, а не на получение личной, материальной выгоды. Семантические компоненты 'бесполезное, лишённое таланта писательство', 'сочинение неоправданно длинных и бездарных текстов', выделяемые в лексемах с

отрицательной коннотацией, указывают на определенный читательский заказ. Труд писателя не может быть направлен на получение личной, материальной выгоды. Его высокое призвание отмечается в положительно окрашенном устойчивом выражении «инженер душ человеческих» и заключается в морально-нравственном совершенствовании читателей. Полагаем, что предпосылкой для такого рода читательского заказа является восприятие слова, с которым работает писатель, как сакрального в русской культуре. Литератор должен быть достойным «доверенного» ему священного текста.

От доказательства лингвокультурного статуса концепта «писатель» перейдем к исследованию концепта «судьба писателя» в аспекте его структурного своеобразия.

Концепт «судьба писателя» представляется нам примером калейдоскопического концепта по классификации А. П. Бабушкина [3, с. 176–177]. Метафора, заложенная в этом термине, отсылает к игрушечному оптическому прибору, при поворачивании которого лежащие в трубке стеклышки и камешки отражаются в системе зеркал и образуют бесконечно меняющиеся цветные узоры. Таким же образом и калейдоскопический концепт может реализовываться в виде концептов-фреймов, сценариев (скриптов) или гештальтов в зависимости от контекста и ЛСВ имени концепта. Подобная «текучесть» ментальных единиц этого типа объясняется тем, что они репрезентуются словами с абстрактной семантикой. Иными словами, расплывчивость границ концепта как такового накладывается на особенность отвлеченных лексем, не данных человеку посредством опыта.

Детальное изучение судьбы как гештальта представлено в работах Л. О. Чернейко и В. А. Долинского, отождествляющих его со своего рода маской, которую надевает абстрактное имя. «Гештальт выводится из буквального прочтения глагола, употребленного в сочетании с абстрактным именем в переносном значении, и связывает два явления (конкретное и абстрактное) по одному основанию, выраженному акциональному признаку. Основание вербализованных ассоциаций и есть основание смысла словосочетания» [11, с. 81]. Наиболее распространенными являются гештальты «судьба – дорога» (отсюда «ухабы судьбы», «повороты судьбы»), «судьба – хозяйка» (выводится из сочетания «раб судьбы») и антонимичный данному гештальт «судьба – раба» (из «господин своей судьбы»).

Изучаемый нами концепт «судьба писателя» имеет целый ряд репрезентаций-гештальтов в русской поэзии XX в. Следует отметить, что компонент «писатель» нами избран как гипероним по отношению к «поэту», «стихотворцу», «литератору» и другим обозначениям мастера слова. Не случайно, что в приводимых ниже примерах чаще будет встречаться сочетание «судьба поэта». Во-первых, прежде всего своя – поэтическая – судьба становится предметом рефлексии для авторов цитируемых стихотворений. Во-вторых, поэт представляется более «концентрированным» воплощением сущности литератора, обладателем особого стихотворческого таланта, а следовательно, особой, концептуализированной судьбы.

Наиболее распространенными гештальтами «судьбы писателя» являются персонифицированные образы:

– поводыря: *Я волхв, ты волк, мы где-то рядом / В текучем словаре земли. / Держась бок о бок, как слепые, / Руководимые судьбой, / В бессмертном словаре России / Мы оба смертники с тобой* (А. А. Тарковский. «Мы крепко связаны с тобой...»)¹;

– проводника: *Но каждый раз / меня в единоборство / Ведет судьба, / решенная не мной* (Н. М. Коржавин. «Я раньше видел ясно...»);

¹ Здесь и далее все тексты приводятся с сайта: <https://45parallel.net/autors/>

– двойника: *Да еще привычка / Говорить с собою, / Спор да переключка / Памяти с судьбою* (А. А. Тарковский. «Мало ли на свете...»)

– трубача: *Из профессии этой, как с должности председателя КГБ / Много десятилетий не уходили живыми. / Ты – труба. И судьба исполняет свое на тебе. / На важнейших событиях ты ставишь фамилию, имя, / А потом тебя забывают* (Б. А. Слуцкий. «Начинается длинная, как мировая война...»);

– подсказчика: *Лови, что шепнет тебе Рок, / И помни: от века из терний / Поэта заветный венок!* (В. Я. Брюсов. Поэту);

– воскрешающее божество: *Слово поэта – / ваше воскресение, / ваше бессмертие, / гражданин канцелярист* (В. В. Маяковский. Разговор с фининспектором о поэзии).

Обилие персонифицированных воплощений отсылает нас к многочисленным мифологическим персонажам, с которыми издревле люди отождествляли судьбу (греческим Мойрам, римским Паркам, сербским Суджаницам, болгарским Реченицам, скандинавским Норнам, богиням Тюхе и Фортуне, славянским божествам Роду и Рожанице). Применительно к судьбам писателей можно говорить о некоем двойнике или наставнике (музе), которые направляют, подсказывают и при этом не дают отказаться от писательского таланта (т.е. изменить судьбу). В свете этого природа литературного дара представляется мистической, внеземной, божественной.

Помимо персонифицированных образов, гештальтами концепта «судьба писателя» являются распространенные образы свечи (*Судьба моя сгорела между строк, / Пока душа меняла оболочку* (А. А. Тарковский. Рукопись)) и моря (*Шиповник так благоухал, / Что даже превратился в слово, / И встретить я была готова / Моей судьбы девятый вал*) (А. А. Ахматова. «По той дороге, где Донской...»). Сюда же относятся такие разноплановые абстрактные явления, как задача/головоломка: *Не верь, что ты поэт шире / И более, чем он, в строю. / Хоть ты решаешь судьбы мира, / А он всего только свою* (Н. М. Коржавин. «Не верь, что ты поэт шире...») и добыча: *Судьбу свою к седлу я приторочил* (А. А. Тарковский. Жизнь, жизнь).

Несмотря на кажущуюся сложность представления столь поэтизированного и многопланового явления, как судьба писателя, в виде концепта-инсайта (который характеризуется представлением информации об функциональном наполнении или внутренней конструкции обозначаемого), нам удалось найти несколько примеров такого рода. К примеру, у М. И. Цветаевой судьба поэта предстает в виде факела (*Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!* («Знаю, умру на заре!...»)) и плети (*Мне ж – призвание как плеть – / Меж стенания надгробного / Долг повелевает – петь* («Есть счастливицы и счастливицы...»)). Последний, кстати, переключается с бичами и распятиями у В. Ф. Ходасевича (*Жребий поэтов – бичи и распятыя. / Каждый венчался терновым венцом* (Пролог неоконченной песни)). Приведенные концепты-инсайты дают основание утверждать, что следование писательскому предназначению – это обязанность мастера слова, а не свободный выбор, его обреченность творить (ср. у М. И. Цветаевой в упомянутом выше стихотворении: *Ибо раз голос тебе, поэт, / Дан, остальное – взято*).

Есть у анализируемого концепта и менее распространенная, на наш взгляд, репрезентативная – мыслительная картина. Несмотря на то, что судьба есть мифологема сама по себе, контексты, в которых ее гештальтом выступает иное мифическое существо, крайне редки. Судьба писателя как Неопалимая купина представляется А. А. Тарковскому в стихотворении «До стихов»: *Когда, еще спросонок, тело / Мне душу жгло и предо мной, / Огнем вперед судьба летела / Неопалимой купиной*. Образ горящего, но не сгорающего тернового куста, в котором Бог явился

Моисею, чтобы призвать его вывести народ Израиля из Египта в Обетованную землю, в отношении судьбы писателя можно трактовать двояко: это и сам поэт, который, сгорая от душевных мук и жизненных тягот, не сгорает, а творит и, возможно, направляет своих читателей; это и практически буквальное прочтение ветхозаветного мифа, только взывает Бог не к пророку Моисею, а к поэту-пророку.

Также отсылает к христианской мифологии мыслительная картина «лик Господний»: *Сквозь дымный сумрак преисподней / Они кидают вещей луч... / Их – это лик Господний, / Во мраке явленный из туч* (М. А. Волошин. Демоны глухонемые). Эти строки, по всей видимости, отсылают и к одному из догматов христианской церкви – сошествию в ад Иисуса Христа, когда после распятия он спустился в ад и, сокрушив его врата, освободил заключенные там души и вывел из ада всех ветхозаветных праведников. Представленный Волошиным в «перевернутом» виде (поэт не Бог, не пророк, а демон), этот сюжет указывает на то, что, несмотря на свою человеческую, а значит, греховную сущность, поэт не потерял связи с Божественным, а его предназначение – стать источником света для других.

В качестве прототипического концепта, отсылающего к идеальному или типичному члену некоторой категории, судьбу писателя сложно представить ввиду того, что это понятие концептуализируется в определенной степени индивидуально. Иными словами, этот концепт в сознании носителей языка может включать, к примеру, пушкинскую дуэль и смерть Толстого на железнодорожной станции, страстную увлеченность игрой в рулетку Достоевского и практически монашеское отшельничество Гоголя в конце его жизни. В то же время есть все основания говорить о стереотипизации – построении обобщенного образа на основе уже существующего устойчивого представления [5, с. 59].

Некое подобие прототипа судьбы писателя находим в стихотворении Д. Самойлова «Стихи и проза»: *А в Пушкине все соединено – / Век чаяний и грез и наши лета, / Свобода летописца, честь поэта, / И прозы соль, и грозное вино.*

Интересным образом прототип судьбы писателя переключается с его же реализацией в качестве концепта-сценария, или скрипта, поскольку типичная судьба писателя может быть представлена в виде последовательности жизненных этапов (обязательный минимум «рождение – воспитание/получение образования – начало творчества – его вершина – смерть»). Этот событийный ряд роднит прототип с концептом-сценарием, которому присуща сюжетность, т.е. наличие завязки, кульминации и развязки [3, с. 87]. Особенность сценарного концепта заключается в динамическом характере, репрезентации событий, протекающих во времени и пространстве, где одна цепа следует за другой, и все они связаны каузальными связями. Судьбу в одном из словарных значений – 'участь, доля, жизненный путь' – можно рассматривать как совокупность «сцен», следующих друг за другом; идея казуальности напрямую связана с принципом естественнонаучного детерминизма, который является материалистическим аналогом судьбы. Поэтому, на наш взгляд, структура сценария наиболее полно отражает особенности анализируемого концепта.

Наиболее ярко и полно судьба писателя как сценарий представлена в произведении Д. Самойлова «Дом-музей». Стилизованное под экскурсию по дому-музею некоего поэта, оно содержит намеки на судьбы А. С. Пушкина (*Стол поэта. Кушетка поэта. / Книжный шкаф. Умывальник. Кровать.* – скромное убранство комнаты поэта в Царскосельском лицее; *Он писал тогда оду «Долой» / И был сослан за это в Калугу* – «южная» ссылка за оду «Вольность»; *Здесь он умер. На том канapé* – обстоятельства смерти после дуэли), Н. В. Гоголя и его жизни в Италии (*Годы*

странствий. Венеция. Рим. / Дневники. Замечанья. Тетрадки), знаменитых слов умирающего А. П. Чехова «Ich sterbe» и выпитого бокала шампанского (*Перед тем прошептал изречение / Непонятное: «Хочется пе...» / То ли песен. А то ли печенья? / Кто узнает, чего он хотел*). Это смешение фактов из нескольких творческих биографий доказывает невозможность принять судьбу какого-либо литератора за эталон (хотя ближе всего к этому стоит судьба А. С. Пушкина), поэтому при концептуализации понятия «судьба писателя» избирается некий инвариант жизненного пути, содержащий закрепившийся в сознании носителей языка набор событий или состояний (к примеру, ссылка, одиночество, дуэль, нищета). Здесь следует упомянуть об отмечаемой многими когнитивистами конвенциональной природе концептов-сценариев. Они описывают то, что является типичным в данном социокультурном обществе, следовательно, значение компонентов сценария зависит от социальных и культурных факторов [3, с. 87; 1, с. 78]. Культурологическая составляющая в структуре сценария может проследиваться как в последовательности событий, так и в их содержании. Так, в судьбах зарубежных литераторов мы вряд ли найдем такие концептуальные компоненты, как ссылка или дуэль со смертельным исходом. Данная культурологическая компонента не только еще раз подтверждает лингвокультурный статус концепта «судьба писателя», но и отсылает к связи когнитивных и лингвокультурных методов исследования ментальных образований, речь о которой шла в начале статьи.

Краткий сценарий судьбы литератора находим в стихотворении Г. В. Иванова, посвященном бельгийскому поэту Э. Верхарну: *Судьба поэта! Жребий сладкий / Изведать: мудрость, славу, страсть / И с гулкой поездной площадки / На рельсы черные упасть!* Похожее перечисление неизменных составляющих судьбы писателя посредством инфинитивных словосочетаний представлено у Д. Самойлова в строках «Финала»:

*Любить, терзать, впадать в отчаянье.
Страдать от признака бесчестья
И принимать за окончание
Начала тайное предвестье.
Утратить волю, падать, каяться,
Решаться на самоубийство,
Играть ва-банк, как полагается
При одаренности артиста.*

Следует подчеркнуть, что выражение компонентов сценария при помощи инфинитивных конструкций соответствует одной из обязательных характеристик динамической когнитивной структуры – наличию базового элемента действия [1, с. 80].

Отдельные эпизоды из творческой судьбы поэта также находят отражение в виде концептов-сценариев. Так, по мысли Д. Самойлова, чтобы возникло стихотворение за работу должен принятаться только гений, хотя пытаются это сделать *сто талантов, тыща профессионалов, сто тыщ графоманов, миллион одиноких девиц и десять миллионов влюбленных юнцов* («В этот час гений садится писать стихи...»). Несмотря на грандиозность события, стихотворение может не родиться, если в сценарии наметится другой поворот событий: *Или гений, зачеркнув написанное, / Отправляется в гости*. Более приземленный, но не менее показательный сюжет – получение гонорара – описан в стихотворении А. А. Тарковского «Поэт»:

*Как боялся он пространства
Коридоров! постоянства*

*Кредиторов! Он как дар
 В диком приступе жеманства
 Принимал свой гонорар <...>
 Оперенный рифмой парной,
 Кончен подвиг календарный, –
 Добрый путь тебе, прощай!
 Здравствуй, праздник гонорарный,
 Черный белый каравай!
 Гнутым словом забавлялся,
 Птичьим клювом улыбался,
 Встречных с лету брал в зажим,
 Одиночества боялся
 И стихи читал чужим.
 Так и надо жить поэту.*

Получение гонорара не только отражает зависимое положение поэта (для него это не заработанные трудом деньги, а дар; успеть сдать написанное вовремя – подвиг), но и выводит автора на размышление о том, из чего должна состоять жизнь поэта (постоянный творческий поиск, одиночество, отсутствие понимающей аудитории).

Последняя структурная разновидность, в которой может репрезентоваться калейдоскопический концепт «судьба писателя», – это фрейм. Если сценарий – это последовательность казуально связанных между собой событий, то фрейм – это схематическая модель ситуации, статичная схема. Иными словами, лишив сценарий динамичности и развертывания событий в пространстве и времени, мы получим фрейм. Эта связь двух когнитивных структур подчеркивается и в определении, данном А. П. Бабушкиным: «Фрейм – это пресуппозиционная модель, т.е. человек воспринимает ту или иную языковую структуру как фрейм, если он владеет знаниями о реалии, обозначенной словом, если ему известна последовательность событий, которые его ожидают в рамках конкретной ситуации» [3, с. 83]. На основании этой связи некоторые ученые выделяют переходную когнитивную структуру – фрейм-сценарий, под которым понимают «свойственную той или иной отдельно взятой ситуации совокупность процедур, типичных для функционирования объекта или для того или иного действия» [2, с. 8]. Классический пример такого сценарного фрейма – празднование дня рождения.

Судьба писателя реализуется посредством тематически близких фреймов-сценариев «выступление на сцене» и «выступление канатоходца»: *Вот я перед вами стою. Я один / Не жду одобрения или награды. / Стою у опасного края эстрады, / У края, который непереходим* (Д. Самойлов. С эстрады); *Она [судьба поэта] – по канату хождение / Над площадью городской, / Опасный полет и паренье / Над шуткою площадной* (А. П. Ладинский. «Судьба поэта?..»). В обоих случаях актуализированы как неразрывная связь жизни писателя и его читателями-«зрителями», так и его противопоставление аудитории. Он одинок в своем опасном литературном мастерстве.

Еще более трагичную интерпретацию судьбы поэта находим в стихотворении А. А. Ахматовой «Зачем вы отравили воду?..» (*Пусть так. Без палача и плахи / Поэту на земле не быть. / Нам покаянные рубахи, / Нам со свечой идти и выть*) и М. А. Волошина «На дне преисподней» (*Темен жребий русского поэта: / Неисповедимый рок ведет / Пушкина под дуло пистолета, /*

Достоевского на эшафот). Сценарный фрейм «казнь», представленный в обоих произведениях, отсылает к самому страшному компоненту судьбы русского поэта – расцениванию его творчества как преступления, за которое полагается смертная казнь. Эту же мысль находим веком раньше у В. К. Кюхельбекера:

*Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию.
(Участь русских поэтов)*

В качестве примера собственно фреймового выражения понятия «судьба писателя» приведем фрейм «рыбалка», кроющийся в предназначении поэта *людей живых ловить* (В. В. Маяковский. Поэт рабочий).

Итак, в результате нашего исследования была доказана принадлежность концепта «судьба писателя» к калейдоскопическим концептам, рассмотрены его реализации в поэтических текстах в виде гештальтов, мыслительных картин, прототипов, сценариев, сценарных фреймов и собственно фреймов. Когнитивный подход к изучению этого лингвокультурного концепта позволил выявить новые смысловые приращения, возникающие у него при реализации в текстах в виде различных ментальных структур.

Литература

1. Артемова О. Е. Лингвокультурная специфика прецедентного жанра лимерик (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, **2004**. 260 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* **1997**. Т. 56. №1. С. 11–21.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, **1997**. 330 с.
4. Жданова Н. В. Национальная специфика концепта «судьба» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, **2006**. 176 с.
5. Исаева Л. А. О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация» и «прецедентизация» // *Культурная жизнь юга России*. **2012**. №2. С. 58–60.
6. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: Культурные концепты*. Волгоград; Архангельск: Перемена, **1996**. С. 3–16.
7. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис, **2004**. 390 с.
8. Мельничук С. Ф. Концепт «судьба писателя» в русском языковом сознании (по данным ассоциативного эксперимента) // *Филология: научные исследования*. **2017**. №3. С. 1–7.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж: Истоки, **2001**. 191 с.
10. Степанов Ю. С. *Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования*. М.: Языки русской культуры, **1997**. 824 с.
11. Чернейко Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени // *Философ. науки*. **1995**. №4. С. 78–83.

Поступила в редакцию 21.07.2017 г.

После доработки – 14.08.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.4.5

Typological features of the concept “writer’s fate”: cognitive and linguocultural aspects

© L. A. Isaeva, S. F. Melnichuk*

Kuban State University
149 Stavropolskaya Street, 350040 Krasnodar, Russia.

*Email: svetvakh@gmail.com

The differences between lingua-cultural and cognitive approaches to the definition of concept are considered in this article. In the cognitive approach, the main emphasis is made on how concepts are structured while in the linguocultural science concept analysis is meant to identify how culture is reflected inside the concept and whether it includes the evaluative component. Both approaches can be used together to provide a better description and interpretation of a particular concept. The aim of the authors of the article is to present the concept of “writer’s fate”, which has not yet been described in the scientific papers before. The authors have already proven that it belongs to a lingua-cultural concepts group and that “writer’s fate” is characterized as tragic, with loneliness and misunderstanding being its main features in native Russian speakers’ comprehension. The concept is analyzed now from cognitive point of view to show that it belongs to kaleidoscopic concepts, which content may be presented by different mental structures such as gestalts, frames, scripts, and some others. The authors conducted the analysis on the base of examples from the Russian poetry the 20th century and found enough evidence to prove the hypothesis in the poems written by V. Mayakovsky, A. Achmatova, M. Cvet-aeva, M. Voloshin, B. Slutsky, D. Samojlov, A. Tarkovsky, and other poets.

Keywords: linguocultural science, cognitive linguistics, concept, definition of concept, writer’s fate, kalei-doscopic concept, gestalt, frame, script.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Isaeva L. A., Melnichuk S. F. Typological features of the concept “writer’s fate”: cognitive and linguocultural aspects // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 4. Pp. 330–338.

References

1. Artemova O. E. Lingvokul'turnaya spetsifika pretsedentnogo zhanra limerik (na materiale angliiskogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2004.
2. Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Izv. RAN. Ser. lit. i yaz.* 1997. Vol. 56. No. 1. Pp. 11–21.
3. Babushkin A. P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka, ikh lichnostnaya i natsional'naya spetsifika: dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh, 1997.
4. Zhdanova N. V. Natsional'naya spetsifika kontseptov «sud'ba» v russkom i angliiskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk. Velikii Novgorod, 2006.
5. Isaeva L. A. *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii*. 2012. No. 2. Pp. 58–60.
6. Karasik V. I. *Yazykovaya lichnost': Kul'turnye kontsepty*. Volgograd; Arkhangel'sk: Peremena, 1996. Pp. 3–16.
7. Karasik V. I. *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]*. Moscow: Gnozis, 2004.
8. Mel'nichuk S. F. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2017. No. 3. Pp. 1–7.
9. Popova Z. D., Sternin I. A. *Ocherki po kognitivnoi lingvistike [Essays on cognitive linguistics]*. Voronezh: Istoki, 2001.
10. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury: opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian culture: a study]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1997.
11. Cherneiko L. O. *Filosof. nauki*. 1995. No. 4. Pp. 78–83.

Received 21.07.2017.

Revised 14.08.2017.